

Почти все картины Дмитрия Астраханя ("Перекрёсток", "Контракт со смертью", "Изыди!", "Из ада в ад", "Подари мне лунный свет", "Жёлтый карлик") имели колоссальный по российским меркам кассовый успех, а фильмы "Ты у меня одна" и "Всё будет хорошо" и вовсе стали культовыми. Его картины пользуются популярностью у людей, задранных жизнью и жаждущих сказки хотя бы на экране. Причины такой всенародной популярности попыталась в беседе с Дмитрием Астраханом проанализировать наш корреспондент Елена ВЛАДИМИРОВА.

— Один из ваших последних фильмов "Подари мне лунный свет" с Николаем Ерёмченко и Натальей Андрейченко из-за конфликта с продюсером вышел без вашей фамилии в титрах. Конечно, это ситуация исключительная. А как обычно складываются отношения между режиссёром и продюсером?

— Споры режиссёра и продюсера — явление обычное. Когда готовился сериал "Зал ожидания", мы с продюсерами Константином Эрнстом и Анатолием Максимовым часто спорили, но там не было амбициозного упорства. Конфликт, приведший к такому безумию, произошёл у меня впервые. Мне кажется, самое сложное для продюсера — сделать правильный выбор. Но если он выбрал режиссёра и сценариста, то надо обеспечить им все условия, а затем найти силы и отойти в сторону. Это очень тяжёлое, я бы даже сказал, мучительное, но необходимое для продюсера решение.

В фильме "Ты у меня одна" продюсером был мой приятель, друг детства Аркадий Тульчин — очень умный человек, прекрасно разбирающийся в искусстве, в живописи. Я помню, что, когда мы ему в первый раз показали картину, ещё без звука, он, ничего не понимая, смотрел на экран в ужасе, но нам сказал: "Я вас всех поздравляю. Надеюсь, что всё будет прекрасно. Желаю удачи". Хотя я видел, что он в шоке. Потом, когда картина уже получила признание и стало очевидным, что это бесспорно успешный коммерческий проект, он мне признался, что в тот момент думал, что потерял все деньги, но нашёл в себе силы не мешать нам.

Очень сложно быть терпимым к чужому творчеству. Особенно если ты творческий человек. Не у всех это получается. Вот у Валерия Тодоровского прекрасно получается. Он был продюсером двух моих фильмов — "Леди на день" и "Тартарен из Тараскона", который готов и скоро появится на экране. Это достаточно сложные постановочные картины, и Валерий дал мне возможность реализовать их, за что я ему очень благодарен. Он не давил на меня,

В. Зайковский

Колёя

Дмитрий Астрахан: «Больше всего боюсь, что зритель на моём фильме начнёт выходить из зала».

не навязывал своего мнения, только помогал. Сейчас в студии "Новый век" я работаю над картиной "Тёмная ночь". Мне опять повезло с продюсером Максимом Федосеевым.

— Многие режиссёры, в том числе и Валерий Тодоровский, сейчас сами становятся продюсерами. Вы не собираетесь последовать их примеру?

— По сути как раз этим я и занимаюсь на своих картинах. Мне интересно работать в этом качестве и с другими режиссёрами. Я был продюсером нескольких картин.

— В ваших фильмах обычно, как в сказке, всё кончается хорошо. Муж, не поддаваясь соблазнам, остаётся со своей женой, музыкант, решивший ради зарубежных гастролей оформить фиктивный брак, по-настоящему влюбляется в невесту, врачей-злодеев, использующих органы для пересадки богатым клиентам, разоблачают. Вас называют режиссёром-утешителем. "Всё будет хорошо" — это ваш девиз?

— У рок-певца в "Перекрёстке" действительно всё хорошо. Но разве герой Збруева в финале фильма "Ты у меня одна" счастлив? Конечно, он остался достойным человеком и не позволил себе

унизиться до того, чтобы жить с женщиной, которую не любит, но это вовсе не счастливый конец. "Всё будет хорошо" — тоже довольно мрачная история. Молодой человек оказался неталантлив, его бросила девушка, он не находит смысла жизни. Где же здесь утешение? Если хотите знать, самый счастливый финал был у меня в картине "Изыди!" Несмотря на то, что это фильм о еврейском погроме и герои там гибнут. Это трагедия, однако зрители рады, что люди пошли на смерть, но на колени не встали. Я убеждён, что герой должен воплощать в себе зрительскую мечту. Зритель думает: "Русский человек пошёл на смерть вместе со своим другом. Вряд ли я смогу совершить такое в жизни, но я хочу быть таким в мечте! Хочу быть сильным, достойным и умереть ради благородной цели". И когда он смотрит кино, то благодарен за то, что мечта осуществляется на экране.

— С театром вы порвали окончательно?

— Нет. У меня в Москве в театре имени Пушкина идут два спектакля — "Леди на день" и "Путники в ночи". Сейчас выпускаю спектакль "Семейная идиллия" в антрепризе. Но в основном я работаю сейчас в кино.

— Таким количеством фильмов, как у вас, могут похвастаться немногие.

— Просто я много работаю.

— Вам никогда не было стыдно за свою работу?

— За работу — нет. Но во время учёбы у меня был один случай. Когда учился в ЛГИТМИКе на третьем курсе, я подготовил отрывок из "Смерти Тарелкина". Мой педагог Музиль очень хорошо ко мне относился. У меня были лучшие оценки на курсе по мастерству. Обычно Музиль разбирал наши работы при всех. А тут попросил всех уйти, а меня оставил и спрашивает: "Дима, что случилось? Вы заболели? Где ваш юмор? Где энергия? Где страсть? Где жизнь? Вы устали? Вам надоела профессия?" Это были такие обидные слова. И самое страшное: он меня не ругал, он мне сочувствовал. Я испытал чувство жуткого стыда. Не спал несколько ночей и всё придумал по-новому. Через неделю я опять показал ему "Тарелкина". Вся кафедра хохотала. После этой работы Пётр Наумович Фоменко пригласил меня ставить дипломный спектакль в Театре комедии.

— Чего вы больше всего боитесь?

— Если говорить о работе, то больше всего боюсь, что зритель на моём спектакле или фильме начнёт выходить из зала. Каждый выходящий из зала человек доставляет мне физическую боль. Не понимаю режиссёров, которые к этому относятся спокойно. Если то, что я делаю, неинтересно людям, значит, надо уходить из профессии. Как-то в Петербурге в Театре комедии с премьерного спектакля "Трудные люди" ушло почти ползала. Потом этот спектакль получил у критиков премию "Золотой софит". У меня богатое воображение, но даже я не могу себе представить подобную ситуацию. Мне кажется, у меня был бы инфаркт или я бы застрелился. Как это пережил тот режиссёр, не понимаю. Меня бы не успокоила никакая награда. Даже орден.